

Андрей Дашков

Продавец иллюзий

*Часть сборника
Все писатели попадают в ад
(сборник)*

Андрей Дашков

Продавец иллюзий

«Автор»

2003

Дашков А. Г.

Продавец иллюзий / А. Г. Дашков — «Автор», 2003

ISBN 978-5-457-10381-8

Чем придется расплатиться за одно желание? А если это желание – месть?

ISBN 978-5-457-10381-8

© Дашков А. Г., 2003

© Автор, 2003

Андрей Дашков

Продавец иллюзий

Старик остановил свою колыхающуюся на перекрестке, который существовал, возможно, только в больном воображении его друга Карла. Но судя по тому, как точно описал Карл это место и с какой светлой радостью он простился с жизнью и встретил Костлявую, с мозгами у него все было в порядке. Старик не видел более счастливого человека, чем Карл, лежавший на смертном одре, хотя повидал на своем веку достаточно – и хорошего, и плохого. Плохого, конечно, было гораздо больше, но зато лучшие дни сияли, как звезды, на черном, как его совесть, небосводе, а мгновения надежды и любви, отпечатавшиеся в памяти, возвышались теперь подобно сказочным островам над серым океаном будней. У старика был совсем маленький архипелаг. Карл же, видимо, достиг перед смертью берегов рая.

Наверное, потому старик и воспринял всерьез его последние слова. Карл спасся сам и хотел помочь другу. Кроме Карла, у старика никого не было, и с его смертью он осознал свое окончательное сиротство – без всяких иллюзий и даже без надежды хотя бы ненадолго забыться. Он мог бы рассказать о том, как трудно пережить порой одну-единственную ночь. Он заранее оплатил собственные похороны. Он вручил соседям дубликат ключа от своей квартиры – с его стороны это был жест доброй воли, ведь он позаботился о том, чтобы этаж не пропитался трупным смрадом, если он внезапно умрет и провалывается, разлагаясь, слишком долго. Он отлично понимал, что не нужен никому в целом мире. Ушел последний человек, с которым старик делил остаток своей загубленной жизни, – ушел туда, где не слышны голоса и неосязаемы прикосновения, где нет воздуха, которым дышали они оба, и даже немислимо молчание, от которого тихо плачут два сердца.

Старик остановился, потому что у него вдруг возникло плохое предчувствие. Он доверял плохим предчувствиям. Это было нечто из области необъяснимого, однако прежде, вероятно, помогало избежать худшего. Вот и сейчас: еще не поздно было передумать, отказаться от своего намерения и вернуться – но куда и зачем? Что ждало его там, позади, кроме холода одиночества, болезней и тоскливых мыслей, которые металась в мозгу, словно голодные крысы в опустевшем доме? А в самом конце – богадельня, где он будет мочиться под себя и следить за тенями на телеэкране, уже ни хрена не соображая...

Действительно ли он хотел сбежать от самого себя, от ненавистной старости, неизбежной слабости, жестокого разочарования в Боге, устроившем лотерею, которая не прекращается уже десяток тысяч лет, и даже честно воздающем по выигравшим билетам, но под конец отбирающем все? И если да, то что же тогда означало «плохое предчувствие»? Реальную угрозу близкой смерти? Смешно... Старик не боялся смерти. Не имело значения и оставшееся в его распоряжении время – все равно он не успеет и не сумеет сделать ничего, достойного упоминания. Точнее, ничего такого, что заставило бы его в последнюю минуту улыбнуться так, как улыбался Карл. Это была улыбка человека, озаренного светом, который падал ОТТУДА, потусторонним сиянием истины, – улыбка неземного покоя, улыбка того, кто проник в самое сердце вечной тайны и обрел абсолютную свободу – в том числе от предавшей его плоти.

Если бы старик не видел этого своими глазами, он ни за что бы не поверил. Он перепробовал все рецепты спасения – и тщетно. Когда же он опустил руки? После смерти жены? Или после гибели сына?

Убийцы его мальчика были живы по сей день. Их вину не удалось доказать. Они ездили в дорогих автомобилях и трахали продажных красоток. Они обедали в лучших ресторанах и жили в роскошных домах. Их дети учились в самых привилегированных школах и скорее всего не подозревали, чьей кровью оплачено их безмятежное благополучие.

Старик стиснул вставные зубы и потянулся за бутылкой, лежавшей рядом на переднем сиденье. Водка успела нагреться, но он пил ее, как воду, и сделал четыре больших глотка, даже не ощутив поначалу, что это алкоголь. Сам виноват – его соленые слезы капали в незаживающую рану...

Наручные часы отмерили восемь минут, прежде чем к нему вернулась решимость. Помогла не водка, помогло другое: он снова вспомнил свет, который излучало лицо Карла, когда тот объяснял ему, как добраться до ПЕРЕКРЕСТКА, а затем и до... Нет, о том, что ждет в конце пути, старик не хотел думать. Если все окажется ложью, то на этот раз уж точно последней. Самой горькой. Просто убийственной – в буквальном смысле слова.

Не выходя из машины, он огляделся по сторонам. Дорога была пустынной – а чего он, собственно, ожидал? Что здесь выстроится очередь из легковых придурков, не умеющих смиряться с ужасной правдой существования?.. Впереди, метрах в ста пятидесяти, ржавело то, что осталось от заправочной станции; еще дальше виднелся заброшенный шахтерский поселок. На покосившемся дорожном указателе еще можно было разобрать надпись «Глубокое». Деревянный столб, с которого свисали обрывки проводов, служил наблюдательной вышкой для черного ворона. Где-то вдали под ударами ветра гроыхало кровельное железо, и казалось, приближается гроза. Но грозы не было и быть не могло. Терриконы. Сухостой. Разоренная земля и плоское желтое небо...

Вот уж действительно дыра, подумал старик. Сдохнуть здесь было бы весьма символично. Закономерный итог долгого падения.

Итак, он был готов. Зато теперь закапризничала его колымага. Автомобиль был старым – почти таким же старым, как его владелец (если, конечно, соотнести век машины с человеческим), – и помнил лучшие времена: безумные и веселые ночные гонки, оглушительный грохот рока и бешеный ритм прекрасно отрегулированного движка. У заднего сиденья были свои «приятные» воспоминания: упругие девичьи попки и потоки спермы, – а рессоры много раз испытывали блюзовую качку грешной любви.

Да, автомобиль пожил всласть, но теперь, как и хозяин, был тяжело, неизлечимо болен. Его потроха износились до предела, кузов превратился в решето, скелет терял прочность. Он давно сделался потенциальным клиентом автомобильного кладбища, или еще хуже: его ждало свидание с гидравлическим прессом – последним любовником-педерастом, уничтожающим своих жертв в стальных объятиях.

Но старик рассчитывал, что металлическая кляча сдохнет не раньше, чем он сам, и по крайней мере не подведет его сейчас, как не подводила прежде. Кроме того, он купил новую магнитоу, и не промахнулся – все равно что дал обреченному сердечный стимулятор. Старик заметил, что тачка выжимала на десяток километров больше, как только он врубал старый добрый гитарный нарез. И сейчас дело было, конечно, в совпадении, а не в чертовой мистике – во всяком случае, упрямая развалина завелась после первых же тактов «Highway to Hell».

Старик съехал с плохой дороги на растрескавшуюся землю и повернул на север. Интересно, мелькнула мысль, на чем сюда добирался Карл. У того вообще не было машины. Только спортивный велосипед. Представив себе длинного и тощего Карла (почему-то непременно с развевающимися седыми волосами и в плаще до пят) на велосипеде, старик ухмыльнулся. Заслуживал внимания и вопрос о том, кто рассказал Карлу про этот тайный маршрут, наверняка не обозначенный ни на одной карте.

Следующим ориентиром была полуразрушенная церковь на холме. Между тем езда по стиральной доске бездорожья становилась мучительной для костлявой старицкой задницы и опасной для подвески. Тачка скрипела и стонала, но вечный пионер Энгус Янг помог ей выдержать все это.

Церковь, похоже, была забыта давным-давно – старик дважды объехал вокруг холма, но не сумел разглядеть ни малейших признаков дороги, которая вела бы к вершине. Полоса чахлой травы охватывала подножие коричневой каймой, а выше холм был голый и темный, как грудь негритянки. Церковь торчала, будто сосок, истерзанный деснами младенца и вдобавок проколотый согнутым почти под прямым углом крестом.

По словам Карла, дальше старику следовало двигаться в ту сторону, куда указывал ствол креста. Но определить это направление, не взобравшись на вершину холма, оказалось невозможно – слишком велико расстояние, да и точность по азимуту оставляла желать лучшего.

Старик рассудил, что негоже добивать тачку, которой было явно не под силу одолеть крутой подъем – даже под звуки небесного рок-н-ролла в Судный день. Он пойдет пешком. Ему самому это может стоить тяжелой одышки, рези в груди и болей в суставах, но он вытерпит. А если он сдохнет по пути от сердечного приступа, значит, так тому и быть. В конце концов, место ему нравилось. Плоть достанется воронам, и еще одна горсть праха добавится к темной насыпи холма. Тень креста будет раз в день падать на его скелет, отсчитывая вялотекущее время мертвых... И ведь есть еще луна.

Он вдруг ясно вообразил себе: омытые ледяным сиянием ночного светила, его кости лежат, превращаясь постепенно в пыль вечности, а вокруг церкви бродит призрак, избавленный от земных содроганий. Чем не завидная участь?

Старик смачно сплюнул. Он презирал собственную сентиментальность. Пора бы уже избавиться от романтических бредней. И черная романтика ничем не лучше розовой или, например, голубой. Он давно привык к мысли, что в самом конце не останется ничего, кроме пепла из крематория – пепла бесследно исчезнувшего поколения. Любое поколение – потерянное. Он знал это точно.

Чтобы легче было карабкаться на холм, он включил магнитолу, и Тони Джо Уайт запел про жаркий июль. Старик вылез из машины, оставив дверцу открытой. Посмотрел вверх – и увидел свою Голгофу. Обозвал себя слюнтяем: вместо креста ему придется тащить только боль и отчаяние.

Первые сто метров он одолел без особых проблем, затем склон стал круче, и старик почувствовал, что в его сердце медленно ввинчивается шуруп.

Спустя еще несколько десятков шагов он обливался холодным потом. У него дрожали ноги. Казалось, колени обмотаны колючей проволокой и при каждом вдохе кто-то стреляет ему под левую лопатку из пневматического молотка. «А каково же было верующим, черт их подери?! Дряхлым старухам, калекам, астматикам?..»

Примерно на середине подъема он остановился, чтобы передохнуть.

К тому времени вместо музыки он слышал только грохот крови в башке. Его мутило и шатало. Перед глазами текли чернильные ручьи, и солнечный свет казался бесплотным орудием пытки: лучи то пронзали череп сверкающими копьями, то хлестали по зрачкам, как плети.

Старик подумал, что напрасно пил водку. Теперь он отдал бы все за пару глотков холодной воды, но фляга с водой осталась в машине. Он обозвал себя старым мудаком и двинулся дальше, с трудом выдергивая ступни из несуществующего ила и проклиная боль, которая терзала его изнутри. Но он шел, убежденный, что предсмертная улыбка Карла стоила этих мучений. «Не думал же ты, болван, получить все на халяву?» Если Карл выдержал смехотворное испытание (а Карл был не здоровее его), то и он должен справиться, преодолеть позорную слабость, добраться до цели...

И церковь, казавшаяся далекой и недоступной, внезапно выросла перед ним. Вблизи стало ясно, что это руина. В сводах зияли дыры, просеивая лучи солнца. Уцелели одни лишь

камни, да еще кованый крест. Старику пришлось свернуть за угол, чтобы определить, куда указывает покосившийся символ пошатнувшейся веры.

За углом его ожидал сюрприз – привет с того света. На восточной стене – когда-то белой, а теперь напоминавшей растрескавшийся серый асфальт – он увидел надпись, которую нельзя было не заметить: «Здесь был Карл».

Старик остановился, разглядывая огромные корявые буквы, каждая размером с человеческий рост. На этот раз он не улыбнулся. Он с трудом мог представить себе своего друга, малюющего жлобскую надпись на стене церкви – пусть даже и заброшенной. Еще более странным казалось предположение, что Карл специально тащил с собой банку коричневой краски... Но к чему лукавить? Вряд ли это была краска.

Старик мог бы поклясться, что надпись сделана кровью. Причем крови понадобилось столько, что он чуть не начал озиаться в поисках свиной туши. Кровь была на стене – и больше нигде. Ему это не нравилось, потому что дурно пахло – в любом смысле. Прежде всего пахло сумерками сознания – а он всегда любил ясное утро и солнечный свет.

Старик зачем-то поковырял ногтем засохшую кровь, словно хотел убедиться, что все это не чья-нибудь дурацкая, почти безобидная и сравнительно недавняя шутка. Сверху донесся то ли ржавый скрип, то ли крик хищной птицы. Старик задрал голову и уставился в небо. Оно по-прежнему было пустым, как его сердце. Правда, в сердце уже зарождался страх.

Ему показалось, что крест повернулся, но он не был в этом уверен. Какого черта? Карл тоже любил пошутить... Старик почувствовал кислый привкус желчи во рту. Если крест болтался, как дерьмовый флюгер, это обрекало его на бессмысленные блуждания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.